

СТЕНОГРАММА

заседания комиссии по изучению и оценке результатов эксперимента по введению единого государственного экзамена

12 мая 2009 года

С.М. МИРОНОВ

Уважаемые коллеги, добрый день! Мы с вами собрались на очередное, можно сказать, пленарное заседание комиссии по изучению и оценке результатов эксперимента по введению единого государственного экзамена. У меня сегодня получается день под знаком ЕГЭ: с утра я проводил Интернет-пресс-конференцию в "Гаранте". Прислали больше 100 вопросов заранее. Наряду с идеологическими вопросами, на которые я с удовольствием отвечал, были вопросы, которые меня просто привели в ужас, потому что я понял, что бедные выпускники, бедные педагоги и бедные родители, которые ничего не понимают, что, где, чего и как.

Я, пользуясь случаем, хочу своему советнику Юлии Александровне Костенко объявить благодарность. Она – умница. Я перебрал в выходные все эти вопросы, и она подготовила ответы. Потому что там просто речь шла, кто, на что имеет право, как сдается, где сдается, как это все формулируется, какие есть льготы, чего нет. Я, кстати, в "Гаранте" попросил разместить ответы, пусть люди там находят элементарные ответы на элементарные вопросы.

Сегодня мы с вами открываем заседание. Сначала я хотел бы сказать несколько слов, а потом с удовольствием передам слово Хусейну Джабраиловичу.

Во-первых, хочу поблагодарить всех, кто пришел, кто откликнулся на наше приглашение принять участие в сегодняшнем заседании. Думаю, что не будет никаким преувеличением сказать, что тема единого государственного экзамена продолжает оставаться одной из самых острых и спорных и, наверное, одной из самых обсуждаемых в обществе. В преддверии экзаменационной поры (а на самом деле она, можно сказать, уже началась) все эти споры только обострились. Сегодня все чаще в самых разных источниках: где-то естественно, а где-то даже с удивлением – обнаруживаю некие отсылки, я бы сказал, отсылки ожидания к результатам работы нашей с вами комиссии. То есть прямо многие так и говорят: вот работает комиссия, давайте мы дождемся, вот тогда... ну, чуть ли не вот приедет барин – барин нас рассудит.

Боюсь, что рассудить, наверное, будет необходимо на совершенно другом уровне, но я еще раз хотел бы обозначить нашу с вами главную задачу – абсолютно беспристрастно, холодно, вот именно с холодной головой мы должны проанализировать по всем пяти... (У нас пять направлений или шесть? Пять? Пять.)... по всем пяти направлениям, и подготовить итоговый документ.

Сразу хочу сказать, я посмотрел наши планы: октябрь нас не устроит. Я понимаю, что абсолютно правильная логика в нашей комиссии – обобщить итоги уже не эксперимента, а проведения, хоть как-то обобщить в этом году... Нужно делать все что угодно, но в сентябре мы должны на гора выдать уже с итогами, причем даже в начале сентября, я бы так сформулировал, с итогами проведенного единого государственного экзамена в 2009 году.

Я не буду перечислять те группы, которые созданы. Хочу сказать спасибо членам комиссии за ту организационную и текущую

работу, которая идет. Как раз по проблеме нашего итогового доклада я бы и хотел поговорить.

Как я уже сказал, первое мое замечание: нужно готовить не в октябре, а в сентябре окончательный вариант. Итоги этого года тоже должны найти отражение в этом докладе. Насколько я понимаю, в раздаточных материалах есть некий проект содержания и структуры отчета. Прошу вносить любые предложения и замечания как в рамках сегодняшнего заседания, так и вне его. Поэтому всегда вы можете обратиться.

Еще раз подчеркну, что заключение нашей комиссии должно быть абсолютно обоснованным. Мы должны четко показывать, откуда у нас появились те или иные выводы, предложения, замечания, все, что угодно.

Сегодня очень много завязано на результаты единого государственного экзамена. Мы прекрасно понимаем, какие будут последствия для образовательного процесса, для педагогов, для школ в зависимости от результатов экзамена. В этой связи, к сожалению, конечно, приходится признавать, что программы и работа педагога сегодня идут за ЕГЭ, а не наоборот, но это уже реалии сегодняшнего дня.

Пользуясь случаем... Я так понимаю, Лев Соломонович присутствует здесь, да? Где он? Очень хорошо.

Лев Соломонович, большое спасибо за Вашу статью в "Знамени". Я сегодня, не скрою, с большим удовольствием ее пропиарил со всеми ссылками и цитатами. Мне кажется, очень интересная, полезная и своевременная статья. Но сегодня я вспомнил ее именно из-за названия, которое Вы ей дали. Оно звучит так: "Технология расчеловечивания, или как русский язык

послали на три буквы". Увы, мне кажется, очень точно, как ни больно это осознавать, сказано об этой сегодняшней проблеме.

Одним словом, уважаемые коллеги, я не буду дальше продолжать, что называется, вводное слово. Сегодня мы хотели отдельно пообсудить качество контрольно-измерительных материалов, учебных и учебно-методических пособий по подготовке к ЕГЭ. То есть мы не затрагиваем все аспекты. Затрагиваем только эту, может быть, с одной стороны, довольно узкую часть, на самом деле, как мы прекрасно понимаем, – одну из ключевых проблем во всем комплексе проведения и получения тех или иных результатов ЕГЭ.

Сейчас я бы хотел передать слово Хусейну Джабраиловичу Чеченову.

Я попросил бы Вас, Хусейн Джабраилович, и вести заседание комиссии. Мы сколько планируем по времени работать, часа полтора?

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Я думаю, уложимся.

С.М. МИРОНОВ

Дело в том, что я хотел бы присутствовать на всем заседании. Я вступительное слово произнес и, с вашего позволения, просто помолчу, но хочу лично присутствовать. Поэтому я хочу, чтобы заседание вел Хусейн Джабраилович.

Уважаемые коллеги, я еще раз хочу обратиться предельно искренне: несмотря на то, что все здесь присутствующие знают мое негативное отношение к ЕГЭ, прошу не обращать на это никакого внимания. Объективность, объективность и еще раз объективность. Если мы позволим себе, безусловно, на мой взгляд, из благих намерений или даже, так сказать, для спасения всей системы

образования где-то подстроить или подогнать что-то подо что-то, нам никто не простит и, более того, мы будем очень уязвимы. В этой связи мы должны предельно объективно подвести итоги того самого 8-летнего эксперимента и плюс, как мы уже договорились, мы обязательно, может быть, предварительно, но, тем не менее, (у нас будет такая возможность) оценим итоги уже по-настоящему единого государственного экзамена летом этого года.

Хусейн Джабраилович, пожалуйста, Вам слово.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо, Сергей Михайлович.

Уважаемый Сергей Михайлович, уважаемые коллеги!

Добавить особо к сказанному нечего. Просто несколько тезисов.

Я только что приехал из региона. Был в двух регионах на юге. Вопросы обсуждаются... Действительно, люди в смятении. Крайне неприятно отвечать на вопросы, которые задают нам, чуть ли не как авторам ЕГЭ. Я объяснял, что к чему. Второе, что мне непонятно, – совершенно болезненная реакция Минобрнауки.

Если мы все заинтересованы в результатах обучения в средней школе, если в результатах подготовки кадров все равно заинтересованы, то почему не должна быть критично воспринята та или иная новация? Что здесь такого убийственного, чтобы реагировать прямо-таки болезненно.

Сегодня уже были разговоры в Минобрнауки (мы с Зинаидой Федоровной были) по аттестационной комиссии. Буквально как-то оцетинились. Это неправильно. Мы делаем дело нужное и общее, я убежден, и поэтому они, в первую очередь, должны были бы быть заинтересованы, имеет их новация положительный результат или отрицательный результат.

В этой связи, Сергей Михайлович, могу Вам сказать, чаще всего задавали вопрос: "Столько-то стоит такой-то экзамен. Нас не обманут?"

5 тыс. долларов – полный комплект на второстепенные вузы, а так – от 30 до 100 тысяч. Это на юге, где средняя зарплата 8 тыс. рублей. Теперь представьте себе, что это за разговоры о том, что мы победили коррупцию. Нет такого, к сожалению.

Дальше, есть проблема, которую я хотел бы, чтобы сегодня люди озвучили. Задействованы очень интересные темы. Учительство действительно сильно озабочено. Во-первых, так называемая НСОТ (новая система оплаты труда) уже дает сбои, и есть проблемы. Резервов нет. В заработной плате некоторые учителя потеряли. Это вообще уже возмущает, потому что зарплаты очень низкие. Но если сейчас будем увязывать результаты ЕГЭ с заработной платой, то это будет тот минус, который уже вовсе недопустим. Оценивать результаты учителя по результатам ЕГЭ, – это как раз то, против чего все мы, в том числе, восстаем, не принимаем. Это неприемлемо.

Говоря о других вещах, до сих пор... Представьте, 23-го числа объявили, какая будет система набора в вузы и какие условия приема, а 1 марта надо было уже подать заявления, какие экзамены я должен сдавать. То есть людям собраться с мыслями толком некогда. А если я передумал? Для выпускников школы свойственно передумывать: думали одно, а потом решается совсем другое. И в этой связи возникает множество коллизий.

Короче говоря, те вопросы, которые задавали учителя, больше всего и в основном крутились вокруг вот этих вещей. Поэтому тема чрезвычайно острая. Я все, что Вы сказали, записал. Все пять позиций. Мы будем это отрабатывать. Думаю, что,

наверное, к сентябрю, если не в первых числах, то к середине мы успеем, поскольку надо, Сергей Михайлович, еще поучаствовать в сентябрьских и августовских совещаниях в регионах. Они обычно заканчиваются в 29-х числах по регионам. Что будет говориться на августовских совещаниях педагогами, учителями?..

Я думаю, что потом, буквально в течение недели, конечно, мы будем подготавливать наши справки по секциям, но, чтобы все сшить воедино, чтобы была предельно аргументированная справка, мы на этих августовских совещаниях буквально все поучаствуем.

Я бы не хотел дальше повторять те слова, которые Вы уже сказали, и хотел бы, чтобы мы сейчас как можно больше внимания уделили тем, кто здесь записался. Поэтому хотел бы начать с выступления Андрея Геннадьевича Ершова, директора Федерального института педагогических измерений. Как раз речь пойдет о качестве КИМов. Тема "Обсуждение вопроса качества контрольно-измерительных материалов (КИМов) и учебных, учебно-методических пособий по подготовке к ЕГЭ".

Я думаю, что регламент, наверное, поскольку это очень серьезный вопрос, и ему, и Льву Соломоновичу устанавливать не будем. Но помните, что по времени мы где-то минут двадцать на оба выступления выделим. Хотелось бы, чтобы самое основное сказали. Прошу Вас.

А.Г. ЕРШОВ

К сожалению, о регламенте меня сегодня предупредили, я был готов к небольшому выступлению в прениях. Но так же, как уважаемый Сергей Михайлович и уважаемый Хусейн Джабраилович... Безусловно, все вопросы проведения единого государственного экзамена в части функционалов Федерального института педагогических измерений (это подготовка контрольно-

измерительных материалов) волнуют нас также достаточно серьезно. Мы далеки от утверждения, что контрольно-измерительные материалы, которые мы в настоящее время создаем, - совершенны. Мы, безусловно, находимся в самом начале, наверное, пути продвижения нашего образования по пути создания независимой системы оценки качества образования. Так получилось, что единый государственный экзамен стал первым этапом на пути этого продвижения.

Я не могу сейчас говорить, хорошо это или плохо. Так получилось. Безусловно, что именно единый государственный экзамен является в настоящее время тем значимым социальным явлением, которое привлекает все больше и больше внимания. Мы прекрасно понимаем, и в итоге эксперимента по единому государственному экзамену прекрасно понимали, что каждый раз в этом эксперименте участвует около миллиона детей.

Безусловно, все тревоги и детей, и их родителей, и педагогов, которые участвовали в самом проведении единого государственного экзамена, работали вместе с нами по созданию контрольно-измерительных материалов единого государственного экзамена. Они нам хорошо известны.

Мы в Федеральном институте педагогических измерений за эти годы попытались создать некую систему подготовки контрольно-измерительных материалов, которые используются на едином государственном экзамене. Должен сказать, что Россия – это одна из немногих стран, которые в подобных процедурах обходятся исключительно собственными силами, на 99,90 с сотыми долями. Другие страны в пути создания независимых систем оценки качества образования, я имею в виду в основном это постсоветское пространство, обращаются за помощью к зарубежным странам. И

советники, консультанты в этих странах присутствуют таким явно зримым образом.

Естественно, что мы знакомимся с тем опытом, который накоплен в странах, идущих по пути создания независимых систем оценки качества образования. Наш единый государственный экзамен является одной из разновидностей национальных экзаменов в мире. Мы знакомы с тем опытом, который эти страны прошли. И там есть и положительное, и отрицательное. Безусловно, что анализ этой ситуации необходим. И нам необходимо очень четко понимать, на каком этапе пути мы находимся.

Вкратце о том пути, который мы прошли. В настоящее время в Федеральном институте педагогических измерений, как я уже сказал, существует определенная система по подготовке контрольно-измерительных материалов, которая включает в себя несколько ступеней. Я не буду утомлять аудиторию некими технологическими проблемами, которые у нас в этом отношении существуют. В ФИПИ разработан определенный цикл разработки контрольно-измерительных материалов. Вместе со мной присутствует наш заместитель по организационно-технологическим вопросам Александр Олегович Татур, который достаточно давно, более двух десятков лет работает в этой системе независимой оценки, и это еще до единого государственного экзамена.

И нам было ясно с самого начала, что мы должны наряду с использованием интеллекта групп профессионалов, которые в этой области чрезвычайно немногочисленны были в России, использовать могучий потенциал высших учебных заведений Российской Федерации, использовать потенциал системы общего образования, и поэтому в процессе разработки контрольно-измерительных материалов мы сформировали отдельные команды.

Они называются у нас федеральными предметными комиссиями. В них представлено более 50 организаций. Это высшие учебные заведения Российской Федерации, представители системы общего образования, Российская академия наук, Российская академия образования. Это непосредственно те люди, которые готовят контрольно-измерительные материалы.

Для того, чтобы их скомпоновать, и для того, чтобы получить, сформировать федеральный банк тестовых заданий, в котором сейчас около 120 тысяч единиц (это тестовые задания разной сложности), мы достаточно широко используем на условиях конкурса интеллектуальные ресурсы регионов Российской Федерации. И из маленьких поселков Российской Федерации наши коллеги (учителя даже) являются авторами тех тестовых заданий.

Безусловно, что в процессе нашего производства эти задания претерпевают определенные изменения, мы апробируем эти тестовые задания. Безусловно, для того чтобы создать контрольно-измерительный материал... Вот в России не так они называются, в мире вообще общеупотребительно – тесты. Мы делаем все для того, чтобы эти чертежи контрольно-измерительных материалов были доступны и обсуждаемы.

В настоящее время практика создания контрольно-измерительных материалов такова: пока Федеральный институт педагогических измерений... Я говорю о том де-факто, которое существует, и буквально несколько слов скажу о тех наших намерениях, которые связаны с более широким привлечением профессиональной общественности к нашей деятельности, о тех шагах, которые мы намерены произвести в течение ближайшего полугодия.

Для того чтобы создать эти чертежи, в которые входят несколько документов (это кодификаторы элементов содержания), они делаются в строгом соответствии в настоящее время с государственным стандартом 2004 года, который в марте этого года, как известно, вступил в полную силу, и иных вопросов там нет. Безусловно, при создании КИМов мы можем совершенно четко отследить, какие элементы содержания учитываются в контрольно-измерительных материалах. Затем спецификация работы, где описаны все ее составляющие и из чего они состоят, и, наконец, демонстрационная версия.

Все эти документы обсуждаются с общественностью. Они принимаются ученым советом ФИПИ в сентябре. Два месяца идет широчайшее обсуждение этих документов на сайте Федерального института педагогических измерений, на сайте Рособнадзора и на сайте поддержки единого государственного экзамена (www.edu.ru).

Мы получаем сотни отзывов по каждому предмету, и наши предметные комиссии их педантично отслеживают, отвечают на каждое содержательное замечание, которое поступило в наш адрес. Безусловно, эти основополагающие документы меняются в результате обсуждения.

После того, как мы приняли и обсудили эти документы (это делается на ученом совете ФИПИ)... В состав ученого совета входят достаточно известные ученые, представители системы высшего профессионального образования, общего образования, в частности города Москвы. Мы обсуждаем эти документы и принимаем их на заседаниях научно-методических советов.

Отдельно мы создали широчайшую систему научно-методических советов. Это не сотрудники ФИПИ. Это представители системы общего и высшего профессионального

образования, которые в порядке дискуссий обсуждают планы контрольно-измерительных материалов, те работы, которые пойдут в наше производство. Безусловно, мнения среди представителей научно-методических советов иногда бывают крайне противоположными.

Недавно, буквально недели три назад, по телеканалу "Культура" выступали два наших представителя научно-методических советов. Один – директор Госархива, Сергей Мироненко, член научно-методического совета по истории, и наш председатель научно-методического совета Василий Васильевич Зверев. Были достаточно плодотворные дискуссии, выступали с разными точками зрения на проблему построения контрольно-измерительных материалов по истории.

Только после того, как общественность обсудит все эти материалы, мы запускаем их в производство. К большому сожалению, цикл производства в Федеральном институте педагогических измерений достаточно жесткий. Мы сейчас находимся в некоем прокрустовом ложе, когда мы должны буквально за полгода создавать контрольно-измерительные материалы единого государственного экзамена. Надеемся, что эта ситуация будет преодолена.

Безусловно, вся остальная работа протекает в уже закрытом режиме. На экспертизу контрольно-измерительных материалов мы привлекаем порядка нескольких десятков экспертов: по три эксперта на каждый предмет (на 14 умножьте соответственно). Это специалисты, которые не работают в Федеральном институте педагогических измерений, а привлекаются нами для экспертизы всех контрольно-измерительных материалов, которые мы производим.

Наши предметные комиссии достаточно тщательно следят за всем технологическим циклом, который проходит и в Федеральном институте педагогических измерений, и в Федеральном центре тестирования.

Мы должны отметить, что ошибок, которые встречаются в контрольно-измерительных материалах, с каждым годом становится все меньше и меньше. В прошлом году их не было уже вообще. Главным для нас является, не пострадал ли ребенок в результате такой ошибки. Естественно, что все риски мы пытаемся в данном случае минимизировать.

Безусловно, мы прекрасно понимаем, что контрольно-измерительные материалы, их формат не должен стоять на месте. В этом году мы уже предприняли определенные усилия. У нас появилась вообще диаметрально противоположная версия контрольно-измерительных материалов 2010 года, которые разработаны в Московском институте открытого образования под руководством ректора, члена-корреспондента РАН Алексея Львовича Семенова. Мы и в дальнейшем думаем делать все для того, чтобы формат контрольно-измерительных материалов был таким, каким он должен быть в соответствии с государственным стандартом.

Я уже сказал о том, что в своей деятельности мы руководствуемся тем, что обязательным для нас является строгое соответствие контрольно-измерительных материалов государственному стандарту. В этом году вступил в действие государственный стандарт 2004 года. КИМы 2010 года мы будем разрабатывать в строгом соответствии с этим стандартом.

Сергей Михайлович, я сегодня просмотрел Вашу пресс-конференцию, по крайней мере, те отклики, которые были на нее в

Интернете, и очень рад, что там поднимаются достаточно важные для нас вопросы, они достаточно четко подмечены.

Первое – это поэтапность введения стандарта второго поколения, который, надеюсь, будет вовремя разработан, и мы должны будем свою деятельность выстраивать в соответствии с тем графиком введения государственного стандарта второго поколения, надеюсь, который будет существовать. Но, с другой стороны, в этот промежуточный период мы должны опираться на ту законодательную базу, которая у нас имеется, и разрабатывать контрольно-измерительные материалы в строгом соответствии со стандартом 2004 года.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Андрей Геннадьевич, сколько Вам еще нужно времени, чтобы Вы успели?

А.Г. ЕРШОВ

Я пока 13 минут выступаю, поэтому в течение четырех я уложусь.

Эта проблема достаточно четко была подмечена.

Наконец, та проблема, которая нас волнует, и также рассматривалась на сегодняшней Интернет-конференции, – это связь разработчиков контрольно-измерительных материалов и тех групп, которые в настоящее время формируют государственный стандарт второго поколения и участвуют в его разработке. Пока такой связи на уровне организаций нет. И очень многие наши коллеги, а в ФИПИ большинство людей, которые работают на условиях неполной занятости, работают в группах разработчиков стандартов. Надеюсь, что таким неформальным путем такое взаимодействие будет осуществлено.

Для нас все проблемы, которые связаны с наличием стандартов (это и соответствие контрольно-измерительных материалов стандарту поэтапного введения), – это вопросы, которые для нас являются архиважными. В тех мерах, которые мы в настоящее время разрабатываем по более широкому привлечению профессиональной общественности к нашей работе, есть ряд шагов, которые сейчас обсуждают и дирекция, и ученый совет ФИПИ, и наш учредитель Рособнадзор.

Это более широкая экспертиза контрольно-измерительных материалов на стадии возникновения их в планах. Скажем так, это привлечение альтернативных групп к разработке различных вариантов контрольно-измерительных материалов. Это работа над тем, чтобы формат контрольно-измерительных материалов соответствовал требованиям времени. И, безусловно, мы прекрасно понимаем, что, к примеру, по гуманитарным наукам надо достаточно много работать над возможным изменением формата контрольно-измерительных материалов. Так, по литературе пошли в этом направлении, отказавшись там от части "А".

Вот, наверное, поэтому мы в течение ближайшего времени, по крайней мере, в этом году, начнем работу по реформированию научно-методических советов. На этапе эксперимента они были сформированы, скажем так, из добровольцев, из тех, кого мы привлекли к участию, к руководству научно-методическими советами. Там и ректоры достаточно известных высших учебных заведений присутствуют, в качестве председателя у нас работает...

Перейдем к делегированию членов научно-методических советов из наиболее известных представителей нашей системы образования. Безусловно, что перед нами стоят достаточно серьезные задачи и по формированию того формата экзамена, того

банка тестовых заданий, апробированного банка тестовых заданий, который бы соответствовал потребностям нашего образования. Это первое.

И вторая часть моего сообщения касается качества тех пособий, которые выпускаются в Российской Федерации. Федеральный институт педагогических измерений, при всей нашей оперативности, не способен контролировать качество тех контрольно-измерительных материалов, которые появляются на просторах Российской Федерации. Безусловно, что министерство в этом отношении, я знаю, предпринимает сейчас достаточно жесткие усилия, которые направлены на структурирование этого естественно появившегося рынка в России. Надеюсь, что эти усилия оправдаются и будут способствовать тому, что наши дети будут иметь дело с учебно-методическими пособиями не только по ЕГЭ, именно с учебно-методическими пособиями, но и других жанров, которые будут соответствовать самым высоким требованиям. Все, я завершил.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо, Андрей Геннадьевич.

Уважаемые коллеги, второй выступающий на эту же тему будет говорить, поэтому есть смысл вопросы задавать после второго сообщения.

Лев Соломонович Айзерман, пожалуйста.

Ваше мнение по теме, пожалуйста.

Л.С. АЙЗЕРМАН

Хорошо. Первое, при всем моем негативном отношении к тому, что сейчас происходит, я хотел бы очень точно сказать, чтобы тут не было каких-то колебаний, что вот сейчас приходится часто слышать, что ЕГЭ порочен, негоден...

Давайте вернемся к тому, что было. Я абсолютно убежден, что возврата к тому, что было, быть не может. И меня испугало, когда я прочитал в "Известиях", что Государственная Дума решила обсуждать новый закон о введении с будущего года устного экзамена в десятом классе по билетам. Это возврат к худшему. Вытащил билет, выучил там 30 вопросов... То есть та система, которая была, себя исчерпала, ученикам правили ошибки по математике, по русскому языку, и так далее, это бесспорно. И что в принципе идея экзамена, который принимает не я, а кто-то другой, мне представляется полезной. Весь вопрос в том, во что это обратилось. Но при всем этом, конечно, мы развратили очень многих учеников, которые из класса в класс переходили... (вот я сейчас "расхлебываю" один такой класс) и были убеждены, что все равно их переведут. Но вместе с тем, вот какие есть проблемы.

Первое, что меня очень беспокоит. Когда, это было очень давно, я был студентом первого курса, на первом семинаре по педагогике я сказал нашему преподавателю: "Вы знаете, я – убежденный противник раздельного обучения. Я мог бы привести целый ряд аргументов. Скажите, пожалуйста, а какие аргументы у Вас?"

То, что он мне ответил, я запомнил на всю жизнь. Он сказал: "Мои аргументы целиком и полностью вытекают из подписанного товарищем Сталиным постановления Совета Министров о введении в стране раздельного обучения".

Я был уверен, что это - история, но, к сожалению, в последние месяцы я с принципами такого подхода встречаюсь. То Любовь Николаевна Глебова (и это в печати) заявила, что речь идет о политической оппозиции. Я подчеркиваю слово "политической". То (я вырезал) собралось педагогическое собрание, которое выдало

мысль, и она очень улыбнулась министру, что против ЕГЭ выступают учителя слабые и беспомощные: естественно, они боятся экзамена, поэтому они так ополчились. То "Известия" дают огромную подборку: не нужно демонизировать ЕГЭ. То есть создается впечатление, что деловое и объективное обсуждение становится практически невозможным.

Я приведу вам простой пример. В прошлом году впервые в Москве (я не знаю того, что там...) во всех школах провели ЕГЭ по русскому языку и математике. Хочу сразу сказать, я говорю только о предметах, которые я знаю, и не касаюсь того, чего не знаю. Казалось бы, что должно быть в нормальном городе и в нормальном государстве? Когда в августе на совещания собираются учителя, то им нужно было задать один вопрос: "В Москве впервые прошел ЕГЭ, давайте обсудим". Этот вопрос был закрыт для обсуждения по всей Москве.

Я могу сказать, как он проходил. А проходил он по такой схеме: по России средний балл такой-то, "пятерок" столько-то, в Москве – такой-то, в нашем округе – такой-то, дальше шло по школам, а затем в школах на педсовете по каждому учителю. Никаких дискуссий, никаких обсуждений не существует (я могу говорить по Москве) – эта тема для публичных разговоров закрыта. Поэтому Ваше очень обнадеживающее и вдохновляющее выступление о том, как широко и демократично, откровенно говоря, мне кажется странным.

Второе обстоятельство. Прошу прощения, я понимаю, что от того, что я сейчас скажу, вы, конечно, вздрогнете, но я сейчас это докажу. Я вообще думаю, что комиссию, на которой мы присутствуем, вполне возможно, придется распустить. Дело в том, что миф - то, что в стране существует единый государственный

экзамен... Я вам приведу простой пример. У меня в руках книга, которую руководство Москвы (я имею в виду, конечно, педагогическое руководство) довело до всех школ Москвы. Она так и называется "Единый государственный экзамен". Мы должны были эту книгу довести до каждого ученика, но поскольку мы их получили 15, то их получили только учителя, но ученикам мы говорим. И вся Москва это знает. В этой книге в первой строчке написано, что единый государственный экзамен является с этого года формой государственной аттестации работы ученика и школы. А через пять строчек написано черным по белому (это знает вся Москва и все ученики): отметки за единый государственный экзамен в аттестате не учитываются. Поэтому никакого единого экзамена в стране нет.

Когда я был на встрече с Глебовой, задал простой вопрос: "Петя идет на золотую медаль. Он взял по выбору физику и физику завалил. Как будет?" Мне ответили: "А какие проблемы? Там же написано: отметки за экзамен не учитываются. Раз Петя по журналу имеет "пятерки", ну и всё, вы ставьте ему "пять" и представляйте его на золотую медаль".

Поэтому то, что в стране существует единый государственный экзамен – это миф. Его нет. Только в одной точке есть: если ученик завалил русский язык или математику. Но поскольку эта цифра в этом году не будет больше 10 процентов (скорее всего, будет меньше), то подавляющее большинство страны ни о каком едином государственном экзамене даже и думать не может, потому что его не существует с этого года. Его тихо спустили на тормозах, ничего не объявляя.

Многое спустили на тормозах: из русского языка убрали два самых трудных вопроса; в Интернете повесили 256 слов, которые ученики должны выучить, - будет проверяться, как там ударение

ставится. То есть все спускается на тормозах. Почему в школах заполняли бланки аттестатов под самый выпускной вечер? Все ждали, как пройдут экзамены. А сейчас можно уже через неделю, кроме русского языка и математики, все отметки ставить, средние за 10-й и 11-й классы в пользу ученика. Поэтому единого государственного экзамена нет. Это миф.

Я не знаю, с какой целью это делается. На самом деле в школе одна система оценок – по журналу, и поэтому никакой объективной проверки (все, что тут говорилось, очень важно) не существует, кроме отлова двоечников. Другой проблемы не существует. Это очень серьезный вопрос, потому что это меняет весь характер разговора.

Третья проблема, которая принципиально важна. Случайно ко мне в руки попала "Российская газета", и я в интервью, которое дал министр, прочитал несколько неожиданные для него слова, но, с моей точки зрения, правильные. Он сказал: "У нас иногда пеняют на зеркало. Но, к сожалению, надо признать: учителя в массе своей разучились учить, а школьники – учиться". Это объективная ситуация, и она гораздо более сложна и страшна.

Я не понимаю, если главная проблема – как мы учим и как проходят уроки, а там идет полный откат назад, и учеников учат не тому, что надо понимать мир, а тому, как отвечать на экзамене.

Когда-то Пирогов, не только великий хирург, а и великий школьный администратор, написал: меня пугает экзаменационный уклон в нашей педагогике, который вреден для науки.

Сейчас есть одна проблема – не как учить, не как понимать, а как сдавать. Поэтому не проходят те темы, которые не вышли на экзамен, забирают часы от других предметов.

Я 20 лет работаю в одной школе, приблизительно с одним составом учащихся, и когда я пытаюсь сделать то, что я делал шесть-семь лет назад, у меня уже не получается. Потому что способность думать, соображать не нужна, не востребована.

Я приведу простой пример. В "Учительской газете" я прочитал интересное размышление министра. Он сказал: "Вы успокойтесь, мы всё скоро повесим в Интернете. В этом году мы вывесим 5 тысяч задач по математике. Решит их ученик – спокойно может идти на экзамен".

Я посмотрел экзамен по математике, там 24 задания. Я разделил 5 тысяч на 24, а затем умножил на четыре, потому что на 24 задания дают четыре часа. У меня получилось, что на решение этих задач по математике, которые они собираются давать, нужно 700 часов. Ну, повесят задания по русскому языку, по физике... Практически современная школа вместо того, чтобы идти вперед, вместо того, чтобы воспитывать думающее, мыслящее поколение, превратилась в школу, у которой есть одна-единственная цель – сдать экзамен. К тому же результаты этого экзамена влияют только на поступление в вуз. Они не влияют на те критерии, которые в школе.

И последнее. Поскольку всем здесь раздали мою статью, я не считаю возможным повторяться. Что касается качества так называемых КИМов... Дело не в том, есть там ошибки или нет ошибок. Дело в том, что сам тестовый подход к гуманитарным предметам, к литературе и даже к русскому языку, порочен.

Что значат ошибки? Приведу самый свежий пример, я его в статье не использовал. В Москве прошли в этом году четыре (сегодня был пятый) мониторинга: когда мы получаем рано утром по Интернету задание, а затем ребята его делают. 28-го был

последний мониторинг в 11-х классах. Присылается текст. Тридцатилетней давности статья Солоухина о том, что подлинно русским городом Москва давно уже перестала быть, потому что единственный город, у которого есть национальная самобытность в России, - это Ленинград. А в Москве даже Храма Христа Спасителя уже нет. (Повторяю, статья 70-х годов.) Вместе с тем, пишет Солоухин, Москва давно стала типичным, заурядным европейским городом. Не надо быть специалистом в архитектуре, чтобы сказать, что если в России есть европейский город, это, конечно, Ленинград (теперь Петербург), а Москва – не европейский ни по конструкции, ни по чему. Но дело не в этом.

Я спросил учеников... А что им делать? У них один вариант был очень хороший, - про зверей в современном мире (текст Пескова). А второй – вот такого, да, рассуждения.

Я, когда уже проверил, просил поднять руки тех, кто не был в Ленинграде. Оказалось, что в двух классах довольно цивилизованных ребят, 14 человек не были. А как они могут сопоставлять, какая Москва и какой Петербург? Как они могут думать, что это вообще город нормальный, ненормальный и так далее. Понимаете? Это невозможно.

И тогда я сделал вещь, до которой, к сожалению, не додумался прежде (но пока я оцениваю их, теперь это уже будет комиссия). Я взял и подсчитал средний балл по тем, кто писал про зверей, и средний балл по тем, кто должен был сравнивать Москву и Ленинград. И у меня получилось, что в одном случае средний балл 9,8 был, а в другом – 15,6. О каком равенстве, о какой объективности может идти речь, когда разница получилась практически в шесть баллов из 21.

Все эти тесты, все эти темы для размышлений абсолютно несерьезны, за редким исключением. Они заставляют ученика выкручиваться, писать какие-то формальные вещи. Почему ввели с этого года такое положение: что если пример из жизни, то за него дают два балла, а если пример из книги – три балла? А какой Вы пример приведете на три балла, что Москва потеряла свою национальную самобытность? Это же не приведешь никак из жизни.

Поэтому мне кажется, что положение очень тревожное не в том смысле, что где-то там ошибка есть или нет. Да, сегодня было задание, где надо было найти неправильный вариант ответа, а оказалось, что все варианты правильные. Это все-таки не смертельно. Сама направленность на то, чтобы сдать, на то, чтобы дать раздробленные сведения, чтобы не размышлять, не думать, не мыслить, - вот это главное. А качество... конечно, можно создать видимость какого-то приличия.

Мне думается, что эти экзамены задают тональность всей школе. Уже в 9-м классе в этом году начинаются такие же сумасшедшие экзамены. Я писал об этом в статье. Уже подумывают о том, как в начальной школе... Мы не по тем рельсам идем. А качество такое внешнего приличия соблюсти можно. Вот все, что я хотел сказать.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо, Лев Соломонович.

Уважаемые коллеги, по вопросу, который обсуждался, мы выслушали обоих выступающих. Вначале вопросы, потом выступления. У кого какие вопросы?

Виктор Евграфович Шудегов, пожалуйста.

В.Е. ШУДЕГОВ

У меня вопрос к первому выступающему. А вот скажите, пожалуйста, тестовые материалы, допустим, группы "С", они у Вас засекречены, то есть сейчас ни один школьник не может по ним готовиться? Или они ходят по рукам, и, в общем-то, отдельные товарищи по ним уже готовят некоторых школьников?

А.Г. ЕРШОВ

Прежде чем отвечать на Ваш вопрос, я хочу сказать, что ко всему тому, о чем говорил Лев Соломонович в своем выступлении, Федеральный институт педагогических измерений не имеет никакого отношения. Все то, что было пущено в Москве в этом году на так называемых пробных мониторинговых заданиях, - это то, что, вероятнее всего, родилось в недрах Департамента образования города Москвы.

Теперь отвечаю на Ваш вопрос. Я уже сказал о том, что мы демонстрационную версию по каждому предмету, а она содержит и вопросы, которые входят, естественно, и в часть "С" по каждому предмету... Это все вместе с критериями оценивания совершенно не секретно. Я имею в виду, что демонстрационная версия одна, и она известна школьникам, начиная с ноября. То есть формат уже известен. Безусловно, что процедура, которая существует на едином государственном экзамене (перемешивание определенных вариантов, - у нас страна очень большая, 11 часовых поясов), - это процедура, которая подразумевает, что конкретный вариант, который пойдет в конкретный регион, безусловно, ФИПИ вообще не известен.

А в открытом сегменте, который у нас на сайте расположен, - задания, которые мы постепенно рассекречиваем. С ними школьники могут ознакомиться и потренироваться.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо.

Смолин Олег Николаевич.

О.Н. СМОЛИН

У меня тоже вопрос к первому выступающему. Сначала факт. Девушка, сдавшая ЕГЭ в Троицке, сообщила, что самая высокая оценка в классе - 48, что за 10 баллов ставят удовлетворительную оценку, за 35 баллов – четыре, не знаю, за сколько баллов ставят пять. Можно ли уточнить, есть ли какая-нибудь официальная шкала по пробным ЕГЭ или это чистое творчество регионов? И какие есть примеры региональных шкал, если это так? Спасибо.

А.Г. ЕРШОВ

Олег Николаевич, я думаю, что Вы сами ответили на Ваш вопрос. Второе, это чисто вот такая, знаете, региональная специфика. Отдельные регионы вообще, насколько я информирован... Рособрнадзор не шкалирует результаты пробного экзамена, и Евгений Евгеньевич может об этом сказать. Но то, что на уровне регионов существует, ну, иногда, скажем так, определенная самодеятельность в этом отношении, да, это есть.

Полностью с Вами согласен, что это дезавуирует детей и это несколько не будет соотноситься с теми подходами, которые будут на официальном ЕГЭ.

О.Н. СМОЛИН

А можно тогда второй уточняющий вопрос?

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Да, пожалуйста.

О.Н. СМОЛИН

Правильно ли я понимаю, что дети узнают эту шкалу только тогда, когда уже все сдадут экзамены? Сдавший экзамен ребенок до

тех пор, пока не обнарудут потом заявление Рособнадзора, не будет знать, сдал ли он и насколько именно?

А.Г. ЕРШОВ

Если Вы имеете в виду основной экзамен, то да.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Коллеги, задающие вопрос, называйтесь для стенограммы. Прошу вас.

Д.В. ПОЗДНЯКОВ

У меня вопрос также к Андрею Геннадьевичу. Как я понял, по каждому предмету сейчас имеется порядка 10 тысяч КИМов, и из них 90 процентов закрыты от общественности, закрыты для обсуждения и исправления ошибок.

Не могли бы Вы сказать, в чем состоит смысл того, что большая часть КИМов закрыта?

А.Г. ЕРШОВ

Во-первых, закрыты задания, которые мы используем, которые используются в едином государственном экзамене. Я думаю, ответил бы на Ваш вопрос следующим образом. Я сразу сказал о том, что мы находимся в начале определенного пути. И думаю, что тот путь, по которому мы пошли, постепенного рассекречивания задания, - это вопрос, который каждый год будет прорабатываться. И мы все большее и большее количество тестовых заданий будем рассекречивать.

Это вопрос дискуссионный по каждому предмету. Поверьте, я не специалист по 14 предметам. Но специалисты, не только ФИПИ, и те коллеги, с которыми мы сотрудничаем, имеют разную экспертную оценку в этом отношении. Проще всего это сделать по математике. Там есть определенные ходы, когда можно рассекречивать часть материалов. Если мы рассекретим всю часть

"С" по русскому языку, сразу в стране появятся сборники "200 лучших сочинений". Это будет абсолютное повторение той ситуации, о которой Лев Соломонович говорил, как о той, к которой возврата, наверное, нет. Я эти, извините меня, сборники помню еще с тех пор, как поступал в университет.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо. Еще вопросы.

Зинаида Федоровна Драгункина, пожалуйста.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Первому выступающему уточняющий вопрос. Все время звучала критика по поводу отсутствия документов, регламентирующих организацию и проведение ЕГЭ для ребят с ограниченными возможностями здоровья. В этот короткий срок появились эти документы или нет? Потому что я располагаю данными, что многие из ребят записываются на ЕГЭ. Ребята-инвалиды записываются на ЕГЭ, чтобы не упустить возможность поступить в вуз.

А.Г. ЕРШОВ

Спасибо большое.

Я думаю, что представитель Рособнадзора по нормативке скажет. Я скажу по тому содержанию, которое касается Федерального института педагогических измерений. В этом году мы выпустили, растиражировали и уже направили в регионы соответствующие контрольно-измерительные материалы для этой категории детей. Я горжусь тем, что стоял у истоков этого процесса и тем, что Олег Николаевич меня пригласил в соответствующий комитет по проведению олимпиад. ФИПИ будет в этой работе принимать активнейшее участие. Для нас это недешево, - все равно

будем выпускать, все равно будем делать, потому что эта категория детей не должна быть обездоленной.

Е.Е. СЕМЧЕНКО

Я позволю себе добавить. Письмо руководителя Рособнадзора, номер сейчас не скажу, в марте оно вышло, и было разослано по всем органам управления образованием в субъектах Федерации... Были направлены методические рекомендации по организации проведения единого государственного экзамена, в том числе, для лиц с ограниченными возможностями здоровья. Как Вы знаете, в этом году была нормативно закреплена позиция о том, что ряд лиц с ограниченными возможностями здоровья имеют право выбора итоговой аттестации и формы вступительных экзаменов, как ЕГЭ, так и в традиционной форме.

Про одну из этих категорий Андрей Геннадьевич сказал, про лиц совершенно незрячих. Для ряда других категорий...

А.Г. ЕРШОВ

Для слабовидящих.

Е.Е. СЕМЧЕНКО

...предусмотрены технологические нюансы проведения единого госэкзамена.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Есть еще вопросы? Пожалуйста.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Хусейн Джабраилович, я очень прошу все-таки, пока идет заседание, уточнить, за каким номером письмо. Я держу подробное письмо Глебовой от 28 апреля. Здесь очень много, и в самом конце, что с 1 января завершился переходный период по единой сдаче, за исключением выпускников с ограниченными возможностями

здоровья, с девиантным, опасным поведением. Я спрашиваю, как это должно для них осуществляться, есть этот норматив?

Вот 8 листов, но только в конце такой абзац... Если есть (это последнее письмо Глебовой на эти темы), то, пожалуйста, назовите его. Если нет, то это, конечно, не может нас устраивать.

Е.Е. СЕМЧЕНКО

В течение некоторого времени.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Спасибо.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Есть еще вопросы?

Сергей Евгеньевич Щерблыгин, пожалуйста.

С.Е. ЩЕБЛЫГИН

У меня не вопрос, а реплика, которую я хотел бы подчеркнуть.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Мы сейчас к выступлениям перейдем.

С.Е. ЩЕБЛЫГИН

Нет, у меня только одна реплика.

В позициях наших выступающих есть точное и четкое противопоставление. Представитель института считает, что тесты по гуманитарным предметам принципиально возможны. Лев Соломонович, и я присоединяюсь к его точке зрения, исходит из того, что контрольно-измерительные материалы по этим предметам, – это то, что в философии постмодернизма называется симуляцией, изображением – это принципиально невозможно.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо.

У меня возник один вопрос, который имеет подтекст.

Андрей Геннадьевич, скажите, пожалуйста, в вузах первые два года мы проходили общенаучные дисциплины. Методологически ЕГЭ можно внедрить в вузах на первых двух курсах по этим предметам: физика, химия, биология, языки и так далее? Ваше мнение? И что будет с вузами в этом случае?

А.Г. ЕРШОВ

Я не готов пока комментировать эту ситуацию. Как человек, который в вузе достаточно долго поработал, прекрасно понимаю, зачем, в том числе, и в МАИ, это делали. Потому что уровень поступающих детей, мягко говоря, был далек... И для того, чтобы хоть как-то подготовить ребенка к слушанию специальных курсов, мы были вынуждены (и до сих пор, кстати сказать, это делается) повторять, по существу, школьную программу последних лет. Это действительно существовало.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

То есть вузы, фактически, решают проблемы школ и так далее?

А.Г. ЕРШОВ

По крайней мере, мое мнение относительно той системы, которая существовала: да, вузы вынуждены были во многом компенсировать те пробелы в образовании, которые были.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо, Андрей Геннадьевич.

Уважаемые коллеги, у кого будут краткие выступления?

Пожалуйста, Виктор Евграфович, начнем с Вас, а подготовиться Олегу Николаевичу.

В.Е. ШУДЕГОВ

Уважаемый Сергей Михайлович, уважаемый Хусейн Джабраилович, уважаемые коллеги! Буквально недавно, в пятницу,

выступал на заседании Государственной Думы и хотел бы еще раз некоторые моменты повторить.

Последнее десятилетие, я бы сказал, всевозможные реформы сотрясают нашу систему образования. Они приносят административную славу авторам тех или иных законопроектов, но продолжают разрушать нашу систему образования. Я не буду говорить здесь про все законы, которые сегодня фактически всю парадигму образования изменили. Я просто приведу в качестве примера, что в статью 16 Закона Российской Федерации "Об образовании" только в 2007 году внесено пять поправок (это правила приема) пятью федеральными законами.

В 2008 году уже внесены поправки двумя федеральными законами, в том числе, как вы помните, правила приема на основе ЕГЭ. Они были очень хорошо завуалированы в Федеральный закон по федеральным университетам и, в итоге, были, конечно, приняты. А в итоге экзамены по схеме ЕГЭ мы будем принимать по приказу от 18 марта, изданному Министром образования и науки.

Я уж не говорю, что по времени слишком поздно вышел этот приказ. Ребятишки должны знать, по крайней мере, за год, к каким экзаменам им готовиться. Я не говорю про всевозможные тонкости, которые возникают в случае национальных республик, когда на специальность "филология", как выясняется, не нужно для поступления знать национальные языки, потому что это не учтено в наших подзаконных актах. И только мое личное обращение к Глебовой, по просьбе Госсовета Удмуртии, решило эту проблему для всех национальных республик.

Коллеги, что нас спасает? Реформы в России всегда начинаются, но никогда не завершаются. Я надеюсь, что то же самое произойдет и с последними реформами. Самое главное...

Для чего все реформы мы проводим? Для того, чтобы улучшилось качество подготовки. У вас в раздаточных материалах есть журнал "Ноосфера", где приводятся данные ВЦИОМ и "Левада-центра", которые говорят: 53 процента граждан заявили, что сегодня ни они, ни их дети хорошего образования получить в России не могут.

43 процента сообщили, что в принципе не удовлетворены существующей системой образования. И 20 процентов заявили, что качество образования ухудшилось даже только за прошлый год. Коллеги, можно, как говорится, оспаривать эти данные, но вы помните, именно эти социологические институты предсказали победу "Единой России" с точностью чуть ли не до десятых долей процента. Поэтому у нас нет оснований сомневаться в этих данных.

Что хотелось бы сказать? В этом же журнале есть статья ведущего специалиста Соединенных Штатов Америки в области разработки тестовой системы Зелмана, который утверждает, что для проверки остаточных знаний школьников и для того, чтобы определить склонности выпускника школы к продолжению обучения в вузе, должны быть разные тесты. И все страны, или многие страны пытались совместить эти два теста в одном. Никому не удалось. Россия не исключение. И мы идем по ложному пути, когда пытаемся объединить два теста.

Что мы в конечном итоге сделали? Мы сделали уклон, я бы сказал, главным образом... это сейчас называется вузоцентристская ориентация школы, - то есть на поступление в вузы. Но ведь в вузы, как вы знаете, поступает 55,4 процента выпускников школ. Это в Соединенных Штатах Америки 83 процента поступает, в Финляндии – 88, в Южной Корее – 87,5. А у нас министр заявляет, что у нас слишком много вузов, слишком много студентов, надо закрыть, оставить 150 вузов. Нас спасает то, что фактически

Председатель Правительства и Президент Российской Федерации просто железным занавесом, я считаю, отгородились от высказываний нашего министра.

Недавно у нас был отчет Председателя Правительства о работе Правительства, и он заявил, что нужно количество бюджетных мест увеличивать. В моей статье вы увидите: я считаю, что должно быть 200 бюджетных мест на 10 тысяч. Председатель Правительства сказал, что не 170, а 190 должно быть. Но до сих пор закона нет. Министерство, в общем-то, уже получив прямое указание, не исполняет его. Я считаю, если мы с Олегом Николаевичем такой закон внесем, нам скажут, что мы инициативу Председателя Правительства присвоили. Конечно, я считаю, что министерство здесь должно очень оперативно действовать.

Коллеги, что еще хотелось сказать? Здесь уже шли споры, я не буду сейчас высказываться о гуманитарных науках: здесь Олег Николаевич есть, мой коллега по Государственной Думе. Отмечу, что в естественных науках еще хуже ситуация с ЕГЭ. Я 35 лет принимал вступительные экзамены и, естественно, текущие во время работы в вузе и могу сказать, что очень часто для нас, для преподавателей, живое общение со студентом, умение студента или школьника рассуждать при поступлении в вуз играет очень важную роль. Но сегодня, оторвав учителя, его мы фактически сделали придатком бюрократической машины нашего министерства... Все это привело к тому, что школьник и учитель сегодня разведены.

В одной из учительских газет были очень хорошие высказывания школьников. Они говорят, что раньше они учили литературу, а сейчас учатся сдавать тесты. Это очень большая разница, потому что мы перестали учить наших школьников, в

общем-то, и красиво говорить, и рассуждать по естественным наукам.

Минусов здесь очень много. Я считаю, что, конечно, сейчас Совет Федерации сделал очень большое дело. Я уже говорил, что в конечном итоге сегодня правила приема даже не федеральным законом утверждены, а обычным приказом министра. Сейчас Совет Федерации несколько поправил ситуацию по выпускникам прошлых лет. Очень правильно, я считаю, сделал, и Государственная Дума должна поддержать.

Коллеги, большое спасибо за внимание. Я готов еще подискутировать, если будут вопросы.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо.

Сейчас Олег Николаевич Смолин выступит. Затем Зинаида Федоровна Драгункина. Прошу Вас, Олег Николаевич.

О.Н. СМОЛИН

Уважаемые коллеги, спасибо за предоставленное слово. Я тоже начну с того, что говорил в присутствии Министра образования и науки 8 мая в Государственной Думе. Я говорил о том, что сейчас, похоже, складываются два возможных сценария результатов единого государственного экзамена.

Сценарий первый, к которому наше министерство, судя по всему, склонялось осенью прошлого года. Это сценарий – установить достаточно высокую планку сдачи ЕГЭ: поставить каждому кто что заработал и тогда получить, по оценкам Виктора Александровича Болотова, вице-президента Российской академии образования, примерно 15 процентов выпускников школ без аттестатов, с "волчьими" билетами, если хотите.

Они смогут, в этом случае, пойти только в ПТУ на базе девяти классов. Даже в ПТУ на базе одиннадцати классов им ход закрыт.

Кроме того, мы получим, не знаем, сколько тысяч, но я думаю, не одну сотню тех, кто сдал экзамены, но не в форме ЕГЭ, в прошлые годы, получил соответствующий документ, но к ЕГЭ вообще не готовился. Надо понять, что ЕГЭ и обычная система – это разные системы подготовки и сдачи экзамена. Почему учителя вынуждены натаскивать на тесты?

Я проводил простой опыт. Я пригласил депутатов Государственной Думы, желающих сдать ЕГЭ по русскому языку как государственному языку Российской Федерации. Я пригласил 8 мая Министра образования и науки Андрея Фурсенко вместе со мной пойти в редакцию одной из газет, например, "Московский комсомолец", и там совместно сдать ЕГЭ по русскому языку. Ни одного желающего депутата, ни одного желающего министра я не нашел. Как сообщили журналисты, на вопрос: «Пойдете ли вы со Смолиным сдавать ЕГЭ?», - министр ответил в духе пушкинского Балды: пусть сначала обгонит моего меньшого брата. Меньшим братом был Владимир Жириновский, который активно защищал ЕГЭ в Государственной Думе.

Но шутки шутками, коллеги, а вещь-то ведь очень серьезная.

Если говорить о качестве КИМов, к чему нас сегодня призывали, конечно, качество КИМов по многим предметам не выдерживает критики. Приведу, пожалуй, пару примеров, а потом перейду к более серьезным вещам.

Мой хороший знакомый из Всероссийского общества слепых готовит материалы, КИМы для тех самых ребят с ограничениями зрения. Кстати, пользуясь случаем, хочу сказать, что в основном по нашим вопросам и Рособнадзор, и Федеральный институт

педагогических измерений шли нам навстречу. Другое дело, это всех проблем не решило, но навстречу нам как раз по поводу сдачи ЕГЭ детьми с ограниченными возможностями здоровья шли. Я всегда рад сказать что-нибудь доброе в адрес моих оппонентов.

Однако, получив эти самые КИМы, мой товарищ специально изучал их уже по системе Брайля. Там, например, содержались замечательные фразы типа: еще за много тысячелетий до нас люди научились плавать на судах. Не комментирую, на чем люди научились плавать за несколько тысяч лет до нас. В брайлевском варианте эта система была исправлена.

Когда мы два с лишним года назад принимали закон о ЕГЭ, я позволил себе задать из одного специального пособия вопрос двум моим коллегам (один сейчас является начальником Рособразованья, а другой – крупным ректором) по поводу исторического значения Куликовской битвы. Мои коллеги возмутились, думали, что я хочу их обидеть. А я просто выбрал тот вопрос, среди четырех ответов на который не было ни одного правильного. А ведь это Куликовская битва, памятная дата в истории России.

Позволю себе один политический пример. До сих пор в наших учебниках и заданиях весь советский режим трактуется как тоталитарный.

Коллеги, почитайте Ханну Арендт, классика теории политической науки. У нее тоталитаризм – это тот политический режим, который начинается тогда, когда народ, устав от революционной свободы, сам отдает власть своим руководителям. И в этом смысле, можно говорить о тоталитарном режиме, скажем, 30-х - начала 50-х годов, но никак не на протяжении всего советского периода, когда свобода в трудовых отношениях,

например, в 50–60-е годы была больше, чем сейчас, а политическая свобода в поздние годы руководства Михаила Горбачева, может быть, тоже была больше, чем сейчас. Я не об этом.

Понимаете, при устном экзамене ученик может рассказать о том, что он знает разные позиции по этому поводу. ЕГЭ загоняет его в тупик и вынуждает повторять, как попугая, одно и то же, те глупости, которые написаны в учебниках и многих наших заданиях.

Теперь, пожалуй, самое главное. Коллеги, мы по-прежнему полагаем, что выходом из ситуации было бы принятие закона, содержащего два сюжета. Сюжет первый – добровольность единого государственного экзамена. Тем, кто нам говорит, что этого делать нельзя, что нельзя ломать градусник, мы отвечаем: уважаемые коллеги, это не градусник. Вы температуру тела пытаетесь измерять с помощью спидометра. Прибор этот для измерения температуры тела не годится.

Но обращаю ваше внимание на то, что, в том числе, и усилиями законодателей и министерства, шесть категорий граждан освобождены от ЕГЭ. Мы думаем, что это, по меньшей мере, процентов 30 людей. Остается сделать один шаг – добровольность ЕГЭ, и проблем не будет. Все сторонники смогут сохранить нравящуюся им систему, все противники смогут сдавать по другой системе.

Вторая позиция, которая содержится в законопроекте, внесенном Сергеем Михайловичем совместно с Иваном Мельниковым и вашим покорным слугой. Это позиция, предполагающая исключение гуманитарных предметов из системы единого государственного экзамена. И не потому, что я гуманитарий.

Коллеги, обратите внимание: абсолютное большинство литераторов (Московский факультет журналистики МГУ), абсолютное большинство историков (Российский философский конгресс) выступают против ЕГЭ. И не потому, что они такие вредные, а потому что гуманитарные науки очень плохо поддаются формализации.

Когда мне приходилось в свое время защищать диссертацию по культуре, в литературе было 300 ее определений. Сейчас наверняка уже 500. Какое из них считать единственно правильным, какое завести в ЕГЭ? Вот у нас и получаются те проблемы, о которых я говорил.

Поэтому мы можем обсуждать до бесконечности качество КИМов, но я думаю, что можно идти пошагово. Давайте для начала вынесем рекомендацию исключить историю, литературу, обществознание из системы ЕГЭ. Нас спросят, а как достичь независимости оценки? Да очень просто – письменные работы отдавать на проверку другим учителям либо, как мы это делаем в вузовском преподавании, приглашать в каждую школу представителей, в данном случае, если хотите, заказчика. Я имею в виду представителей высшего образования и представителей других школ. И не надо мучить ребят, задавая им невесть какие вопросы, ответы на которые представляются экспертам более чем сомнительными.

Вот в качестве первого шага предлагаю такую версию. Дальше можно двигаться и другими шагами. Спасибо.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо, Олег Николаевич.

Зинаида Федоровна Драгункина, прошу.

З.Ф. ДРАГУНКИНА

Спасибо большое.

Уважаемый Сергей Михайлович, уважаемые коллеги! Буквально продолжая начатый разговор, который происходит у нас теперь уже в период набирающего обороты социально-экономического кризиса, позволю себе сказать вот о чем.

2327 выпускников московских школ по итогам прошлого, 2008-го, года по русскому языку и математике получили оценку «2». И это никакой не секрет. И я снимаю шляпу, Лев Соломонович, перед Вами за Ваш материал, под каждой строчкой которого я подписываюсь, но совершенно не согласна с Вами, что Москва для чего-то по ЕГЭ закрыта. Москва – единственная и первая заявила категорическое несогласие вообще по ЕГЭ (из уст мэра это звучало в течение целого года). И после длительных различных ситуаций мы вынуждены были пойти на консенсус с Министерством образования. А если быть совершенно точными, то огромная армия столичного учительства выполняет всего-навсего закон. И от этого никуда не уйти.

Дальше. Сейчас наша педагогическая группа, которая создана в этой комиссии, очень внимательно отслеживает ежедневно происходящие процессы. Я и мои коллеги, мы встречаемся с группой учителей, начальников окружных управлений образования, с группой ректоров. Их письмо, которое на прошлой комиссии лежало у нас у всех... Большая тревога. До сведения Президента намерены были довести это письмо. Все это говорит о том, что никто не равнодушен.

Я являюсь членом Общественной палаты по образованию Москвы. Уж там самым открытым образом родители, прежде всего, учителя и сами школьники поднимают эти же тревожные вопросы,

но только, может быть, более приземленно, какие они есть каждый день.

Вот хочу привести пример, в котором мы сегодня находимся. Обратите внимание, только что (уж по всей Москве, это точно и, думаю, по всей России) прошел так называемый последний этапный момент, который был назван пробным экзаменом. Он проводился в апреле. На основе его результатов предполагалось проанализировать ситуацию, которую мы могли бы сегодня более детально обсуждать и, соответственно, делать определенные выводы.

Однако, 4 мая мы получаем ответ (наш комитет) из Рособнадзора, в котором говорится о том, что в соответствии с порядком единого госэкзамена приказом от 24 февраля на федеральном уровне не предусмотрена процедура проведения пробных экзаменов в форме ЕГЭ. Вот прямо слово в слово. Ну, вообще в шоковое состояние впадаешь.

В результате пробный экзамен, получается, в формате ЕГЭ стал фактически незаконной акцией. Задаем вопрос: кто ее санкционировал? Нет ответа.

По нашим данным, в Москве, повторяю, в пробном экзамене приняли участие все школы. Не секрет, что психологическая напряженность, о которой мы говорим, в которой мы ежедневно пребываем, итак достаточно высока во время сдачи ЕГЭ. А такая неопределенность ее просто усугубляет.

Это не просто мартовские материалы, это 4 мая (лежит ответ из Рособнадзора).

Более того, сводную информацию о результатах сдачи планового ЕГЭ в 2009 году Рособнадзор сможет представить только в августе.

Слава богу, Сергей Михайлович, что мы договариваемся о сентябре. Мы получим все-таки (надеюсь получить) в августе первоначальный анализ, но до этого никакого анализа эффективности ЕГЭ в ближайшие минимум три месяца сделать, конечно, невозможно.

Еще мне хотелось бы выполнить просьбу всех тех, кто просил меня об этом сказать. Участники сдачи этого пробного ЕГЭ столкнулись с проблемой, о которой уже неоднократно говорилось и о которой сегодня мы слушали, – это, конечно, качество контрольно-измерительных материалов.

Во-первых, во время проведения пробного ЕГЭ выяснилось, что задания распределяются неравномерно в рамках одной параллели классов школы. В одних классах задания легкие, в других трудные даже для учителей. Вот и получается: хочешь, не хочешь, все зависит от везения.

Во-вторых, хочу подчеркнуть это, некорректна и процедура оценки сдачи ЕГЭ. Уже сейчас имели место случаи, когда экзаменационные бланки отличались от тех, которые ранее были продемонстрированы учащимся.

Мы на заседании комиссии от 2 февраля поднимали уже вопрос о качестве учебно-методической литературы. В прошлом году мы приняли закон, по которому Минобрнауки получило право контролировать издательства, выпускающие эту литературу. Но такие медленные шаги. До сих пор многие пособия по-разному трактуют различные явления, особенно общественного характера, изобилуют ошибками, опечатками, некорректно составленными заданиями, что, конечно, отразится на качестве сдачи ЕГЭ.

Ну, я уж не говорю о том, что до сих пор не решен ряд нормативно-правовых вопросов, которые регламентируют

проведение ЕГЭ. Вот почему в марте после уже сотен проведенных различных открытых дискуссий первый заместитель мэра Москвы Швецова обратилась к Министру образования Андрею Александровичу Фурсенко с очень тревожным письмом. Это письмо я держу в руках. Она начинает в этом письме с того, что Правительство Москвы обеспокоено сложившейся ситуацией с введением единого государственного экзамена. Построчно расписывает все, говорит об этой сложной ситуации и просит, особенно о тех ребятах, которые получают эти два балла и окажутся за бортом в этом году, как говорится, ни туда и ни сюда, как только что Олег Николаевич говорил. Поэтому просьба: разрешить организовать для этих выпускников на базе общеобразовательных учреждений курсы ускоренного, интенсивного обучения с последующей государственной итоговой аттестацией в установленных формах, а также разрешить по желанию выпускников пройти им повторное обучение в выпускных классах вечерних сменных школ, в очно-заочной, вечерней форме. Обучение этой категории, как пишет Швецова, будет организовано за счет средств субъекта.

И что мы получаем в ответ? Минобрнауки России так же, как и Правительство Москвы, обеспокоено качеством подготовки выпускников общеобразовательных учреждений Москвы, значительным количеством неудовлетворительных результатов, полученных на ЕГЭ в 2008 году. И как могут эти ребята дальше поступать в вуз, если они имеют такие плохие знания?

Поэтому, конечно, на сегодняшний день, после этого письма, с 10 марта многие вопросы (надо отдать должное) сняты, но те, которые остались (и сегодня они уже звучали), естественно, еще остаются. Например, требование о приеме в учреждения среднего и

высшего профессионального образования только на основании единого госэкзамена не в полной мере обеспечивает право всех граждан на получение образования соответствующего уровня.

Действительно, выпускники прошлых лет, освоившие образовательные программы, но не сдававшие ЕГЭ, – это целая проблема. Поэтому неслучайно наш комитет сегодня внес проект федерального закона, о котором уже говорили мои коллеги и который (мы очень рассчитываем) будет принят Государственной Думой в обязательном порядке. Хочется в это верить.

Вот все, что сегодня говорилось, и о чем еще можно было бы сказать (у меня огромное количество "живых" примеров).

Мои каждодневные встречи здесь в Москве (одним словом назвать так, как Лев Соломонович в своей статье говорит, что это настоящая беда, по-другому это назвать нельзя) подтверждают лишь то, что мы пока идем по очень сложной тропинке. Но как быть услышанными? Задаю риторический вопрос и обращаю его вновь с большой надеждой, Сергей Михайлович, к Вам.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо, Зинаида Федоровна.

Уважаемые коллеги, по болезни сегодня отсутствует Духанина из Общественной палаты, координатор социологической группы, но остальные все здесь. Сейчас я хотел бы предоставить слово Звонникову Виктору Ивановичу. Он координатор вузовской группы. Пожалуйста. В отведенное время, я прошу, потому что мало времени.

В.И. ЗВОННИКОВ

Спасибо большое. Во-первых, большое спасибо Совету Федерации за то, что в столь сложное кризисное время нашлось время для рассмотрения не менее тревожного вопроса – каким

является государственный экзамен для миллионов человек. Я хотел бы подчеркнуть, что, может быть, действительно в школе и есть что-то такое, когда можно говорить, что нет единого государственного экзамена, но что касается вузовской части, то такой экзамен в этом году будет для нескольких сот тысяч молодых людей. По-другому, в вузы не будет зачисления только, если Вы принесете справку о сдаче единого государственного экзамена. Поэтому проблема с единым государственным экзаменом не только существует, но и стоит весьма остро.

Во-вторых, я хотел бы сказать, что тестовые технологии широко применяются не только в педагогике, они применяются в социологии, в психологии, в экономике и в педагогике, в том числе, во многих странах мира. Поэтому, наверное, есть какой-то положительный опыт в проведении единого государственного экзамена, и есть какие-то положительные оценки, и, безусловно, есть недостатки и упущения.

На качестве КИМов я хотел бы остановиться подробнее. Каковы же причины низкого качества контрольно-измерительных материалов? Я назову пять причин, как нам кажется, наиболее острых и которые в принципе находятся в законодательном поле и могли бы быть урегулированы принятием некоторых документов.

Первое, как это ни странно, таится в самом названии этого инструментария – контрольно-измерительные материалы. Это название было принято в первые годы эксперимента, и принятие такого названия было продиктовано в первую очередь, наверное, невозможностью обеспечения или создания качественных тестов. Был ограничен срок, была большая проблема, и остановились на том, что давайте сделаем контрольно-измерительные материалы.

Со временем ситуация стала играть против этого названия. И сегодня это название вызывает явный негатив, особенно когда ответственные за это организации, учреждения скрывают недостаточное качество и говорят о том, что ни о каких тестах мы не говорим, а разрабатываем только контрольно-измерительные материалы, а они могут быть недостаточного качества и не отвечать каким-то вполне определенным условиям. Лазейка очень широкая.

Я хотел бы призвать к тому, что нам давно пора говорить о тестах в едином государственном экзамене и предъявлять те самые серьезнейшие требования, которые предъявляют другие страны в законодательном порядке для разработки и введения тестовых технологий.

Вторая проблема – это проблема с изначальной структурой КИМа. Она также была выбрана в самом начале эксперимента. Опять же, структура КИМов была нацелена на реализацию концепции, заложенной в единый государственный экзамен, и сводилась к тому, по простому говоря, чтобы за один присест соединить два экзамена.

Сегодня ситуация несколько меняется. Здесь уже прозвучали подобные мнения, и я думаю, что уже назрела другая директива и нужно принять что-то другое в плане повышения обоснованности отбора наиболее талантливых молодых людей для обучения их в бакалавриате или в специалитете. Должна быть соответствующим образом проведена разработка всех компонентов единого государственного экзамена.

Причем, критика по структуре звучит из двух направлений. Возьмем школу. Там говорят, что мало легких заданий, поэтому достаточно много "двоек", и, наверное, это не позволяет должным

образом двоечников дифференцировать и выделить настоящих двоечников и тех, которые находятся на грани "двоек" и "троек".

Высшая школа говорит об обратной ситуации: ничего подобного, легких заданий достаточно много, мало заданий в части "С", и поэтому все те, кто пытается иметь высокий балл, также плохо дифференцированы, и это не дает должного результата.

В связи с этим мы предлагаем разделить хотя бы экзамены по обязательным предметам на две части. Первую сделать обязательную, аттестационную (та, которая школьная), а вторую сделать добровольную. Те, кто хочет поступать в вузы, хочет иметь экзамен по математике, пожалуйста, еще маленький перерыв – 30 минут – и час или полтора (как технологи это сделают) проводится такой экзамен. Хотя бы сделать шаг навстречу добровольности, если мы не можем сделать в целом такой шаг.

Третье предложение вызвано тем, что, в общем-то, полностью отсутствует достоверная информация по апробации КИМов. Вы правильно сказали, что все те мероприятия, которые сегодня провели и которые назывались пробным экзаменом... не совсем была понятна цель проведения такого экзамена. Но многие страны делают тесты для того, чтобы примерно посмотреть, как работают контрольные материалы, каков может быть процент двоек. Берется выборка вполне определенная: предварительная, представительная, и потом делается прогноз. На основании этого прогноза потом проводятся большие, масштабные материалы. Сегодня этого не происходит.

Четвертая проблема – это полное отсутствие профессиональных кадров, способных обеспечить качество КИМов. Кадры тестологов во всей стране готовили только РУДН (второе высшее образование) и Томский университет. И за все это время (за

восемь лет эксперимента), как ни смешно, я вам назову эту цифру, было подготовлено аж 25 специалистов из числа сотрудников ФИПИ. Безусловно, этот кадровый голод позволяет непрофессионально подходить к разработке тестов. И меня удивляет, как это могут на сегодняшнем этапе, когда ЕГЭ вошел уже из эксперимента в практику, разработкой тестов для единого государственного экзамена заниматься люди в свободное от работы время, не в основное свое рабочее время. И второе. Как могут эти КИМы закупаться по конкурсу, как победители, как лучшие задания и все остальное? Ведь, наверное, здесь какие-то другие должны быть подходы.

И последняя, пятая проблема, – это, как нам кажется, полное отсутствие доступной информации о качестве КИМов. В любом деле, как учит нас теория менеджмента, должна быть соответствующая система обеспечения качества или контроля качества. И неважно, чем мы занимаемся – столь ответственным делом или производством колбасы, самолетов или чего-то другого, – эта система должна быть доступна и понятна.

Что касается контрольно-измерительных материалов в едином государственном экзамене, у нас нет ни одного подразделения, учреждения или какой-то общественной организации, которая бы на себя взяла, ну, что ли, возможность проведения сертификации контрольно-измерительных материалов и хотя бы дала какое-то мнение об их качестве, об их соответствии стандартам, об их соответствии другим требованиям: по нормативам проведения, по времени, по затрате энергии, по помещениям, по всему остальному. Я знаю, что такой центр сертификации есть в исследовательском центре проблем подготовки специалистов при Московском институте стали и

сплавов, но, насколько я знаю, Андрей Геннадьевич туда не обращался за эти семь лет и даже не делал попытки попробовать провести сертификацию. Вот на этих проблемах я хотел остановиться. Спасибо.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Виктор Иванович, благодарю Вас.

Обратились с просьбой выступить двое наших коллег – это Поздняков Дмитрий Васильевич, учитель лицея № 230, и Гуцин Дмитрий Дмитриевич.

Прошу Позднякова.

Д.В. ПОЗДНЯКОВ

Сегодня два раза уже звучала фраза о том, что учителям вместо того, чтобы учить детей своему предмету, приходится натаскивать их на решение тестов ЕГЭ.

Для сохранения "ледяной" объективности, о которой говорилось вначале, я бы хотел высказать противоположную точку зрения, свою.

Я – биолог. ЕГЭ по биологии содержит самые простые основополагающие вещи: там содержится система универсальных биологических знаний, без которых двигаться никуда дальше нельзя. Поэтому, когда учитель биологии, где-нибудь выступая, говорит, что "я бы хотел показать своим детям всю глубину биологии, а вместо этого мне приходится готовить их к ЕГЭ", для меня это очень странно звучит. И я всегда думаю: ты их сначала научи элементарным-то вещам, чтобы они ЕГЭ щелкали, как орехи, а потом можно двигаться в глубину.

А в обратном порядке я не представляю, как это возможно. Спасибо.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо.

Пожалуйста, господин Гуцин, учитель математики Петергофской гимназии.

Д.Д. ГУЦИН

Я бы прокомментировал то, о чем было сказано: что учитель теперь учит не мыслить и думать, а натаскивает на ЕГЭ и вообще становится придатком машины.

Во-первых, коллеги, давайте зададим себе вопрос: в каком классе? В 5-м, в 6-м, в 7-м? ЕГЭ вообще не оказывает никакого влияния на преподавание. Это удел учителей старшей школы: 10-го класса, в большей степени - 11-го.

Во-вторых, если мы не берем обязательные экзамены – русский язык и математику, то: сколько, реально, человек в обычной школе будут сдавать информатику? Один, два? Я не могу сказать, что если введен ЕГЭ, то все учителя начинают всех детей к нему автоматически готовить. Прежде всего, должен быть запрос, которого нет по всем предметам. Например, из обычной школы поступают на химфак или в медицинский вуз и сдают химию в виде ЕГЭ несколько человек. И мы были бы неправы, если бы считали, что все учителя начинают автоматически готовить к этому ЕГЭ и становятся придатком машины.

У меня нет статистики, но я позволю себе предположить, что то же самое происходит с экзаменом по литературе. Не все выпускники сдают экзамен по литературе: это не русский язык, это не обязательный экзамен. Кроме того, мне не кажется совершенно бесспорной мыслью о том, что невозможно проверить знания в гуманитарной области письменными работами. Давайте называть их так. Тест – это все-таки не десять раз что-то обвести. И, кстати, угадать там гораздо сложнее, чем может показаться, хотя это

отмечают как минус ЕГЭ. Потому что, если бы было там легко отгадать, то у нас не было бы ни 10 процентов двоек, ни 25 процентов двоек... Кстати, мы не говорим о тройках. А если бы мы говорили, что у нас не только 15 процентов двоек, а еще 40 процентов троек, то мы поняли бы, что вообще не все так хорошо, как может показаться.

Так вот, давно известно, что, например, экзамены по языку для иностранцев: TOEFIL, первый европейский сертификат, экзамен по французскому языку для нефранкоговорящих, - давно проводится в письменной форме, в тестовой форме, и, в общем, зарекомендовал себя как достаточно объективная характеристика.

Я бы не сказал, что письменной работой невозможно проверить уровень творческих способностей. Скажем, большинство олимпиад, начиная от районных и заканчивая городскими и международными, по большинству предметов проводятся в письменной форме и позволяют выявить победителей, не говоря уже про олимпиаду по программированию, она устно не проводится вообще. Ну и что?

Не очень понятно, почему мы все время говорим, что это криминал, это невозможно, чтобы победители международной олимпиады по какому-то предмету не получали 100 баллов за ЕГЭ. Это разные вещи. Одно дело написать программу на олимпиаде по программированию, а другое дело в деталях знать устройство компьютера: то, что изучается на уроках информатики. Они не получают там 20 баллов, а получают 90. Не будет совпадений. И в этом нет абсолютно ничего плохого, на мой взгляд, на взгляд учителя, который работает с детьми.

Мне не кажется, что ЕГЭ плох тем, что он требует знаний, не содержащихся в школьных учебниках. Школьные учебники надо

переписывать, включать в них то, что выделено как основные, базисные вещи. Да, понятно, я читал статью Льва Соломоновича, он правильно там пишет, что сначала мы нуждаемся в счетных палочках, в тетрадах в косую линейку, а потом эти вспомогательные средства выпадают. Но получается сейчас, что мы не можем отказаться от счетных палочек и что уровень образования у нас, который показывают наши выпускники, таков, что пусть бы они сначала сложили две палочки с двумя палочками.

Конечно, понятно, что вопрос: какая гласная, "и" или "ы", пишется после "ж", - очень простой. Лучше поговорить с человеком и попросить его написать книжку или, в крайнем случае, многостраничное сочинение.

Но выясняется, что большинство выпускников не могут правильно расставить одно и два "н". Какое сочинение? Зачем это делать до тех пор, пока мы не уточним минимальный пороговый уровень. Другое дело (и мне кажется это недостатком ЕГЭ), что этот пороговый уровень почему-то должен определяться после того, как будет написан экзамен всей страной. Все-таки порог (то, чему мы обязаны научить) должен содержаться в стандартах, в программах, в учебниках. Может быть, уровень 100 баллов, конкурсный уровень, должен определяться после того, как это будет написано, наверное. Всех желающих нельзя зачислить в вузы, но порог должен быть известен заранее.

Больше того, в этом году отказались от выставления четверок, пятерок и троек по результатам ЕГЭ. Мне кажется, это неправильно. Вообще говоря, что такое школьная пятерка, должно быть известно и ученику, и его родителям, и учителю, независимо от того, с каким количеством баллов зачислят в тот или иной вуз.

Мне не кажется, что репетиционные экзамены, которые сейчас прошли, не нужны и являются нарушением какого-то закона. Мне кажется, что это очень полезное дело. Нужно, чтобы ученик попробовал хотя бы один раз написать экзамен так, как он в действительности будет его сдавать. Другое дело, что действительно к этому можно предъявить много претензий, и, если можно, я бы перешел к конкретным вещам, которые хотелось бы поменять.

Например, в Санкт-Петербурге прошел репетиционный экзамен по математике. У нас очень странные результаты. Во-первых, на целый город (и это было прислано из Москвы, это не делал Санкт-Петербург, я не знаю, кто именно) не вложили достаточное число листов бумаги. Выпускник, который хотел написать решение задачи С1, С2, С3 и так далее, - решения части С, имел на это один листок А4, они туда не могли влезть.

Второе, что произошло. Никто из выпускников не получил результатов своих работ в виде таблицы. Первое задание решено правильно, второе – неверно, третье, четвертое – правильно. Им выдали количество баллов, например, 23 или 49. Что можно делать с этой информацией?

Мне кажется, было бы правильно пойти другим путем. Все равно все работы сканируются, проверяют их эксперты в сканированном, зашифрованном виде. Как я знаю, сейчас разработана и уже внедрена система, когда каждый школьник имеет возможность ввести номер своего паспорта, какого-то другого документа и получить результаты тестирования. Во всяком случае, так было несколько лет назад.

Думаю, было бы очень правильно и решения задач части С и по математике, и по русскому языку, - то, что написал ребенок, -

выкладывать под кодом, под шифром, чтобы он мог посмотреть, правильно ли проверено, подавать ли на апелляцию, неверно ли это сделано. Мне кажется, эта работа может быть осуществлена.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Дмитрий Дмитриевич, время вышло, поэтому просьба заканчивать.

Д.Д. ГУЩИН

Спасибо большое.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо Вам.

Олег Николаевич, небольшую реплику, прошу Вас.

О.Н. СМОЛИН

Спасибо. Уважаемые коллеги, я обозначил два возможных варианта: один назвал, а второй забыл.

Второй вариант, который запущен в некоторые регионы по так называемому пробному ЕГЭ, заключается в следующем: понизить балл успеваемости ниже всяких возможных пределов и сделать вид, что все сдали хорошо.

Я не исключаю, что Рособрнадзор выберет именно этот вариант, поскольку он наиболее щадящий для детей, но хотел бы сразу сказать, что сама идея ЕГЭ будет просто-напросто дискредитирована и профанирована. Что хуже - не знаю. Что лучше, знаю – добровольный ЕГЭ. Спасибо.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Минобрнауки России цифры названы. Если они совпадут до десятых долей, то мы будем знать, что это сугубо искусственное образование.

Прежде чем Сергей Михайлович завершит, у меня три просьбы, уважаемые коллеги.

Первая. Я бы хотел попросить руководителей подгрупп, особенно вузовской, Виктор Иванович, найти возможность (мы поможем, обратимся от имени комитета) проанализировать вместе с Общественной палатой социальный состав в процентах поступивших по ЕГЭ на контрактной основе, - очень интересный будет результат.

Вторая. Успеваемость студентов, поступивших по ЕГЭ и по вступительным экзаменам, с разбивкой – город, село, и сравните с победителями олимпиад. Если не успели записать, я Вам в письменном виде подам.

И третья. Я обращусь завтра, Сергей Михайлович, с Вашего разрешения, к коллегам-сенаторам. Я убежден, что нам первичные материалы по школам не дадут, хотя мы обращаемся в школы. Потому что их обработанный вариант нас не интересует так, как интересуют первичные результаты по школам.

Поэтому я попрошу сенаторов в регионах – одна-две школы буквально в сельской местности, на их усмотрение, одна-две из городских школ. Для того чтобы мы имели первичный материал для анализа. Спасибо.

С.М. МИРОНОВ

Коллеги, я правильно понял, что больше нет желающих выступить? У нас еще минуточек 10–15 есть, пожалуйста.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Назовитесь только, для стенограммы.

А.О. ТАТУР

Татур Александр Олегович, заместитель директора ФИПИ.

У меня маленькая реплика. Я хотел сказать, что... Вот здесь обсуждается возможность анализировать пробный экзамен, но этого, наверное, делать не следует, потому что пробный экзамен

ориентирован не на то, чтобы ребенок проявил свои познания в полной мере. Он, скорее, должен ознакомиться с технологией. И, если мы будем исследовать эту статистику, то... ведь ребенок мог прийти, просто попробовать и уйти. То есть нельзя ориентироваться на эти данные, как на статистически значимые. Поэтому к ним надо относиться очень осторожно. Тем более что по пробному экзамену сами материалы готовят регионы. То есть цель одна – подготовить детей, а не проверить их знания. Реальные данные мы получим только уже на реальном экзамене.

Теперь второе соображение. Уважаемые коллеги, на самом деле, когда мы хотим узнать, овладел какими-то умениями экзаменуемый или нет, мы, в конечном счете, задаем ему какое-то задание, и он себя проявляет. И, если это задание устное, письменное и оно снабжено правильными и хорошо отработанными критериями оценивания, тогда оно становится тестовым. И, собственно, отличие обычного, традиционной формы задания, от тестовых заданий – это как раз в критериях оценивания, чтобы они были однозначны, чтобы был, как говорится, общий измеритель. И чтобы каждый преподаватель не по своему усмотрению выставлял балл, как он считает, поглядев на ребенка, и часто тут влияют психологические факторы, а именно должна быть объективность оценивания, связанная с критерием. Поэтому и присутствуют, например, на устном экзамене по иностранным языкам два независимых эксперта, которые не взаимодействуют. И каждый самостоятельно, прослушивая текст, выставляет оценку. И, если у них не совпало что-то, тогда третий.

То есть именно задача объективизации, потому что иначе мы попадаем в ситуацию достаточно сильного произвола. Мы, в конечном счете, впервые, благодаря ЕГЭ, реализуем принцип

справедливости, когда не произвол отдельного экзаменатора определяет ситуацию, а именно объективность того, как проявил себя экзаменуемый.

Вот я хотел сказать, что не надо к тестам относиться... Это плоть от плоти наши старые задачки, которые снабжены этими критериями. Да, Олег Николаевич приводил какие-то отдельные погрешности. Но сколько этих погрешностей на вузовских приемных экзаменах? Ведь мы прогоняем через пять-шесть внешних независимых экспертов. Ну, бывает, и они пропускают, к сожалению. Но это же какая вычистка идет! Раньше такого не было в принципе.

И что касается гуманитарных предметов... На самом деле ребенок проявит себя любым способом, главное, чтобы его правильно оценили. Собственно говоря, пишет сочинение, творчески излагает. Если правильно критерии прописаны, значит, это творчество мы правильно оценили.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо.

Полминуты Шудегову для справки.

В.Е. ШУДЕГОВ

Уважаемые коллеги, справка. Тесты в США, во-первых, не единые, а разные, проводимые конкурирующими заведениями. Во-вторых, не государственные и обязательные, а частные и добровольные. В-третьих, сдаются не при поступлении в вуз, а гораздо раньше, обычно за год с лишним до окончания школы. В-четвертых, могут сдаваться не один раз в году, а многократно.

Я дальше не буду повторять, время вышло.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Прошу Вас.

И.Н. ЧЕРНЫШЕВ

Чернышев Игорь Николаевич, Томская область, Дума.

Спасибо большое, Сергей Михайлович, что пригласили из регионов побеседовать. Действительно, очень интересно присутствовать при ситуации, когда есть действующий закон, и мы сидим и обсуждаем, как он будет реализовываться на сегодняшний день, и при этом друг другу высказываем большие опасения.

Томская область до сегодняшнего дня являлась последовательным сторонником внедрения ЕГЭ, то есть мы все время были в эксперименте и поддерживали ЕГЭ. Но тот ЕГЭ, который проводился на территории Томской области, особенно в последний, 2008 год, он уже не вызывал никакого отторжения, а приветствовался нормально и учениками, и их родителями, и учителями, в том числе, по одной простой причине, что была абсолютно другая схема по реализации. То есть было совсем другое положение о принятии ЕГЭ.

Сегодня оно абсолютно другое, поэтому общественность, которую я назвал, конечно, взбудоражена точно так же, как и те, кто в эксперименте вообще не участвовал ни одного дня. Хотя КИМы были такого же низкого качества, как и ранее, но еще отторжения не возникало по одной простой причине, ЕГЭ решал главную задачу, которую мы, например, видим у себя, – это возможность из отдаленных территорий, из отдаленных сел поступать в высшие учебные заведения. Та форма принятия ЕГЭ, которая была, этот вопрос решала.

Решили бороться с коррупцией, но, уважаемые коллеги, мне кажется, что мы живем в России, и у нас какими бы способами мы ни пытались бороться с коррупцией, она начинает больше процветать. Поэтому в данной ситуации, мне кажется, что и ЕГЭ задумывался для того, чтобы все-таки наше образование стало

более качественным. Не знаю, как в Москве или в Санкт-Петербурге (рад, что есть молодые высококлассные преподаватели), но у нас в Томской области, несмотря на то, что вузовский центр – это Томск, средний возраст педагогов сегодня приближается к пятидесяти годам. Хотя кризис сегодня на улице, в школу нет очереди на работу из педагогов. Ее просто нет. Потому что низкая заработная плата.

Поэтому правильно высказываются опасения. А кто сегодня в школе научит учеников, даст те знания, которые будут соответствовать требованию, которое предъявляется сегодня по ЕГЭ? Таких учителей сегодня в школах нет. Поэтому и плюс это мы сегодня еще делаем на фоне другого... Правильно говорили, что и этот вопрос надо увязывать, вопрос изменения системы оплаты труда.

Новая система оплаты труда. Что сегодня происходит, я сам свидетель этому в округе, когда учителя, готовя учеников к ЕГЭ, уже разделили заработную плату по новой системе оплаты труда. Те, кто получил меньше, говорят: «Я получил меньше, а ты получил больше, вот, иди и готовь к своему ЕГЭ, а мне это не интересно». Понимаете? И это происходит. Мне кажется, мы неправильно подошли здесь на федеральном уровне к тому, что же делать действительно с общим образованием, неправильно. Мы мотыляем его туда-сюда, но в итоге потеряем, и уже, наверное, потеряли многое из того, что было. Спасибо.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Спасибо Вам.

С.М. МИРОНОВ

Коллеги, записка с просьбой выступить...

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Ершов – директор ФИПИ, 30 секунд.

С.М. МИРОНОВ

Пожалуйста.

А.Г. ЕРШОВ

Спасибо, я постараюсь уложиться в эти 30 секунд.

Уважаемые коллеги, действительно мне чрезвычайно интересно было сегодня присутствовать, я надеюсь, что, Сергей Михайлович, я с удовольствием сейчас послушаю завершающую часть. Очень много из того, о чем здесь говорилось, является предметом наших забот. Это первое.

Второе. Конечно же, под словосочетанием "низкое качество КИМов" хотелось бы иметь солидную доказательную профессиональную основу.

Третье. Олег Николаевич, сегодня же разбор будет произведен, я Вас лично информирую, меня это действительно очень озадачило.

О.Н. СМОЛИН

Спасибо, уже исправили с подачи моего друга-редактора. Спасибо.

А.Г. ЕРШОВ

Я знаю, где это исправили, но хотел бы знать, откуда ноги растут.

И, наконец, последнее. Уважаемые коллеги, для меня сегодня серьезно было то, что резко критикуются так называемые пробные экзамены, которые проводятся в субъектах Федерации. Еще раз официально, со всей ответственностью, заявляю: ни один из субъектов Российской Федерации в ФИПИ за материалами для пробного экзамена не обращался. Спасибо.

Х.Д. ЧЕЧЕНОВ

Кстати, мы их анализ не предполагаем делать, - это для сведения.

Мы не собираемся их анализировать, абсолютно. Это ложная информация.

С.М. МИРОНОВ

Пожалуйста.

У меня в руках... в наших папках лежит приказ Рособнадзора от 19 января 2009 года № 74. Выпускникам предоставляется право на досрочное прохождение государственной итоговой аттестации. Это точно такая же государственная досрочная итоговая аттестация...

С.М. МИРОНОВ

Нет, но так она прошла, это уже было... 3600 человек сдали всего по России. Я изучил, кстати, очень интересная статистика по предпочтениям. Понятно, что там математика и русский язык – практически одинаково, на первом месте — русский язык, на втором — математика, с небольшим отставанием. А дальше, кстати, тоже очень интересное, вот обратите внимание, конечно, это не репрезентативная выборка. 3600 выпускников школ, кстати, они не все именно выпускники школ: это те, кто имеет право на досрочную сдачу ЕГЭ. И с 20-го по 30 апреля они все сдавали. И там, кстати, на третьем месте, здесь педагог-биолог выступал, на третьем месте идет биология, что очень интересно. А на пятом, я помню, - физика, а на четвертом, по-моему, - история. Но это, еще раз хочу сказать, выборка очень не репрезентативная, потому что непонятно... там по регионам тоже были данные, но я их не анализировал, насколько это разбросано у нас в России.

Коллеги, я еще раз спрашиваю, на всякий случай, но честно скажу, уже из интеллигентности. Есть ли кто-нибудь желающий еще что-нибудь сказать? Но времени уже нет. Нет. Заканчиваем.

Коллеги, на самом деле я не планирую говорить, подводить некие итоги, потому что итоги наша комиссия, как мы договорились, подведет в сентябре. Я искренне всех благодарю. Я очень рад, что звучат самые разные точки зрения. Уверен, даже для тех, кто сегодня пришел на это заседание с диаметрально противоположными точками зрения, те аргументы, которые высказывали их оппоненты, очень полезны. Вот лично для меня, я услышал очень много интересного.

И, кстати, думаю, что в окончательной нашей работе, я напоминаю, что задача нашей комиссии — не осудить или поддержать ЕГЭ, мы не ставили такую задачу. И еще раз хочу сказать, я четко заявляю, вы знаете мою позицию. Но я хочу получить объективную оценку результатов восьмилетнего эксперимента. Вот уважаемый Андрей Александрович выступал в Госдуме. Он на прямой вопрос, а где же эти итоги... честно говоря, видно было, что ему очень тяжело отвечать, потому что он говорит дословно. Да, велись многочисленные обсуждения. Тоже хочется спросить, кем, кем велись, назовите, где? Потому что все ссылаются, и уже тут же вывод — было признано, что эксперимент успешен. Кем, когда, почему, на основании чего? Не было этого сделано, к сожалению. Я думаю, что как минимум многих благоглупостей, которые... я специально говорю только о тех благоглупостях, с которыми сейчас мы сталкиваемся при проведении ЕГЭ, не оспаривая сам принцип. Хотя я считаю, что нужно думать и дальше, но там действительно очень много...

Вот если бы внимательно изучили результаты эксперимента и посмотрели, какие есть плюсы, какие минусы, и какие проблемы возникли, и была бы дана научная оценка этому эксперименту, по крайней мере, даже если было бы принято решение, что, давайте, идем по линии ЕГЭ, все равно многие проблемы, с которыми сегодня сталкиваются выпускники, родители, педагоги, были бы решены.

Коллеги, еще раз всех благодарю, будем продолжать работу. И еще раз, простите, как заклинание, призываю всех членов нашей комиссии к абсолютно объективным, без эмоций, оценкам итогов восьмилетнего эксперимента по проведению единого государственного экзамена в субъектах Российской Федерации. Коллеги, всем спасибо, до новых встреч, до свидания!
